

ИЗМЕНЕНИЕ СТРУКТУРЫ И ГЕОГРАФИИ ТУРИСТСКИХ ПОТОКОВ В БАЛТИЙСКОМ РЕГИОНЕ В ПЕРИОД ПАНДЕМИИ COVID-19

А. Г. Манаков¹

В. К. Крыстев²

И. Н. Красильникова¹

И. А. Иванов¹

¹Псковский государственный университет,
180000, Россия, Псков, пл. Ленина, 2

²Экономический университет Варна,
9002, Болгария, Варна, бул. Князя Бориса I, 77

Поступила в редакцию 16.08.2022 г.

Принята в печать 05.12.2022 г.

doi: 10.5922/2079-8555-2023-1-8

© Манаков А. Г., Крыстев В. К., Красильникова И. Н., Иванов И. А., 2023

Туризм входит в число тех сфер человеческой деятельности, которые наиболее пострадали от ограничений в передвижении, введенных из-за пандемии COVID-19. Цель исследования — оценка влияния пандемии на территориальное перераспределение турпотока в пределах Балтийского региона. Для этого были использованы региональные годовые и месячные данные по прибытиям иностранных и внутренних туристов за 2019–2021 гг., размещенные на сайтах статистических служб стран Балтийского региона. В период пандемии COVID-19 наибольшее падение въездного турпотока испытали регионы, которые в допандемийный период были особенно зависимы от турпотока из России. В большинстве стран Балтийского региона наблюдался рост внутреннего туризма. Самое значительное увеличение внутреннего турпотока в 2021 г. по сравнению с 2020 г. произошло в приграничных регионах Северо-Западного федерального округа России, а также заметный рост — в Финляндии и странах Балтии. Это позволило внутреннему турпотoku в большинстве регионов частично или даже полностью компенсировать падение въездного турпотока. В период пандемии обозначились заметные изменения в структуре въездного турпотока, в которой увеличился удельный вес туристов из стран Балтийского региона. Наибольший рост данного показателя произошел в некоторых регионах юга Финляндии, чуть меньший — в Латвии и Литве.

Ключевые слова:

COVID-19, внутренний туризм, туристский поток, структура турпотока, замещение въездного турпотока

Введение

Туризм входит в число сфер человеческой деятельности, наиболее пострадавших от ограничений в передвижении и других карантинных мер, введенных из-за пандемии COVID-19. При этом большинство исследований, посвященных изучению влиянию пандемии на туризм, концентрирует внимание на ее последствиях для туристской индустрии, как мировой, так и отдельных стран. Заметно реже обращается внимание на изменения, произошедшие в географии туристских потоков.

Для цитирования: Манаков А. Г., Крыстев В. К., Красильникова И. Н., Иванов И. А. Изменение структуры и географии туристских потоков в Балтийском регионе в период пандемии COVID-19 // Балтийский регион. 2023. Т. 15, № 1. С. 139–152. doi: 10.5922/2079-8555-2023-1-8.

Если на мировом уровне эти изменения более очевидны, то на уровне групп стран, отдельных стран и регионов требуют специального изучения. Балтийский регион в период пандемии также испытал подвижки в структуре и географии турпотоков.

В нашем исследовании Балтийский регион рассматривается преимущественно в «узком понимании» [1] и включает такие страны, как Дания, Швеция, Финляндия, Эстония, Латвия, Литва, а также пять федеральных земель Германии (Шлезвиг-Гольштейн, Гамбург, Мекленбург-Передняя Померания, Бранденбург, Берлин) и пять северных воеводств Польши, которые участвуют в формировании трансграничных туристско-рекреационных регионов на побережье Балтийского моря. Однако с российской стороны вместе с собственно прибалтийскими регионами (Калининградская область, Санкт-Петербург и Ленинградская область) добавлены также три приграничных региона Северо-Западного федерального округа (Псковская область, Республика Карелия и Мурманская область), обычно рассматриваемые в составе Балтийского региона в «широком понимании».

Цель исследования — оценка влияния пандемии COVID-19 на территориальное перераспределение турпотока в пределах Балтийского региона.

Задачи исследования:

- выявление региональных особенностей изменения объема въездного и внутреннего турпотока в 2021 г. по сравнению с 2020 г.;
- оценка роли внутреннего турпотока в замещении падения объема въездного турпотока в период пандемии;
- расчет показателя, отражающего изменение доли туристов из стран Балтийского региона в структуре въездного турпотока конкретных территориальных единиц.

Материалы и методы

Информационной базой исследования являются находящиеся в открытом доступе данные статистических служб Финляндии¹, Швеции², Дании³, Польши⁴, Эстонии⁵, Латвии⁶, Литвы⁷, России⁸ и федеральных земель Германии: Бранденбурга и Берлина⁹, Мекленбург-Передней Померании¹⁰, Шлезвиг-Гольштейна и Гамбурга¹¹.

¹ Visit Finland, 2022, *Statistics Service Rudolf*, URL: <https://visitfinland.stat.fi/PXWeb/pxweb/en/VisitFinland/> (дата обращения: 20.07.2022).

² Statistical database, 2022, *Statistics Sweden*, URL: <http://www.statistikdatabasen.scb.se/pxweb/en/ssd/> (дата обращения: 20.07.2022).

³ Overnight stay by type of overnight accommodations, region, nationality of the guest and period, 2022, *StatBank Denmark*, URL: <https://www.statbank.dk/statbank5a/SelectVarVal/Define.asp?Maintable=TURIST&PLanguage=1> (дата обращения: 20.07.2022).

⁴ Local Data Bank, 2022, *Statistics Poland*, URL: <https://bdl.stat.gov.pl/bdl/dane/podgrup/temat> (дата обращения: 20.07.2022).

⁵ Statistical database, 2022, *Statistics Estonia*, URL: <https://andmed.stat.ee/en/stat> (дата обращения: 20.07.2022).

⁶ Tourism, 2022, Official statistics of Latvia, URL: <https://stat.gov.lv/en/statistics-themes/business-sectors/tourism> (дата обращения: 20.07.2022).

⁷ Oficiliosios statistikos portalas, 2022, *Statistics Lithuania*, URL: <https://osp.stat.gov.lt/statistiniu-rodikliu-analize/> (дата обращения: 20.07.2022).

⁸ Официальные статистические показатели, 2022, *ЕМИСС*, URL: <https://fedstat.ru/> (дата обращения: 20.07.2022).

⁹ Archiv: Statistischer Bericht, 2022, *Statistik Berlin Brandenburg*, URL: <https://www.statistik-berlin-brandenburg.de/archiv/g-iv-2-m> (дата обращения: 20.07.2022).

¹⁰ Landesamt für innere Verwaltung Statistisches Amt, 2022, *MV*, URL: <https://www.laiv-mv.de/Statistik/Zahlen-und-Fakten/Wirtschaftsbereiche/Gastgewerbe-und-Tourismus> (дата обращения: 20.07.2022).

¹¹ Beherbergung im Reiseverkehr in Schleswig-Holstein, 2022, *Statistisches Amt für Hamburg und Schleswig-Holstein*, URL: <https://www.statistik-nord.de/zahlen-fakten/handel-tourismus-dienstleistungen/tourismus/dokumentenansicht/product/6304/beherbergung-im-reiseverkehr-in-schleswig-holstein-64> (дата обращения: 20.07.2022).

Использованы региональные годовые и месячные данные по прибытиям иностранных и внутренних туристов за 2019—2021 гг. Для Швеции, где данные по прибытиям по регионам отсутствуют, они рассчитаны на основе количества ночевков в регионах и по среднему количеству ночевков по стране в целом.

В исследовании авторами был разработан и рассчитан индекс замещения въездного туристского потока внутренним турпотоком по следующей формуле:

$$ИЗ_{\text{въездТур}} = \frac{\text{Тур}_{\text{внутр 2021}} - \text{Тур}_{\text{внутр 2019}}}{\text{Тур}_{\text{въезд 2019}}} \times 100 \%,$$

где $ИЗ_{\text{въездТур}}$ — индекс замещения въездного турпотока внутренним, $\text{Тур}_{\text{внутр 2021}}$ — внутренний турпоток июля — сентября 2021 г., $\text{Тур}_{\text{внутр 2019}}$ — внутренний турпоток июля — сентября 2019 г., $\text{Тур}_{\text{въезд 2019}}$ — въездной турпоток июля — сентября 2019 г.

На наш взгляд, период с июля по сентябрь (3-й квартал) 2019—2021 гг. более показателен по двум основным причинам: в этом квартале в большинстве европейских стран были более мягкие эпидемиологические ограничения, что связано с пониженной заболеваемостью, а также была дана возможность турбизнесу заработать в сезон массовых отпусков.

В исследовании авторами предложен еще один показатель, который отражает долю стран Балтийского региона в структуре въездного турпотока конкретных территориальных единиц. Он рассчитывается по следующей формуле:

$$ИБ_{\text{въездТур}} = \frac{\sum \text{Тур}_{\text{въезд Балт}}}{\sum \text{Тур}_{\text{въезд}}} \times 100 \%,$$

где $ИБ_{\text{въездТур}}$ — индекс, отражающий долю стран Балтийского региона в структуре въездного турпотока, $\sum \text{Тур}_{\text{въезд Балт}}$ — суммарный въездной турпоток из стран Балтийского региона, $\sum \text{Тур}_{\text{въезд}}$ — весь въездной турпоток.

При расчете индекса учитывались все страны Балтийского региона (в «узком понимании»), за исключением Российской Федерации, так как после марта 2020 г. выезд россиян в страны Евросоюза был ограничен и турпоток из России сократился до незначительных размеров.

Интерес представляет изменение индекса в 2021 г. по сравнению с 2019 г., поскольку весной 2020 г. структура въездного турпотока кардинально изменилась в результате локдауна и введенных ограничений на перемещение между странами, при этом объем турпотока в январе — марте зачастую был выше, чем в остальные 9 месяцев 2020 г. В 2021 г. структура въездного турпотока существенно не изменялась: ни в первую половину года, когда в рассматриваемых странах действовали строгие ограничения для туристов, ни позднее, когда началось заметное оживление туризма, связанное с введением «ковидных паспортов», позволявших вакцинированным и недавно переболевшим свободно пересекать границы и заселяться в гостиницы без соблюдения карантина.

Степень изученности проблемы

По изучению влияния пандемии COVID-19 на туризм уже накопилось достаточно большое количество исследований. Если на первом году пандемии работы были посвящены преимущественно потерям, понесенным мировой индустрией туризма от введения ограничений в пересечении границ и карантинных мер в са-

мих странах [2–7], то на втором и третьем годах стало появляться все больше публикаций, где анализируется изменение объемов и направленности международного турпотока.

Отметим, например, работы, где этот вопрос освещается на уровне Румынии [8], Молдовы [9], Финляндии и Эстонии [10], Казахстана и Узбекистана [11]. В одной из статей [12] был даже представлен прогноз восстановления спроса на 2021 г. по двадцати туристским направлениям по всему миру. Также нужно отметить исследование польских авторов, проанализировавших воздействие пандемии на въездной туризм тридцати европейских стран, для чего был рассчитан индекс Перкала по пяти переменным показателям ЮНВТО и Евростата за 2020 г. [13].

Во все большем количестве публикаций обращается внимание на роль внутреннего туризма в восстановлении общей величины турпотока. Такого типа исследования были проведены, например, в России [14], Германии и Ирландии [15], Италии [16], Турции [17; 18], Южной Кореи [19], Новой Зеландии [20] и др. Все чаще для этого используются математические методы. Начинается изучение поведения туристов в постпандемийный период, например, в Венгрии [21], Южной Кореи [22] и др. В России также появились работы, где рассматривается влияние последствий пандемии на величину турпотока по регионам страны. В этом плане нужно отметить исследования, проведенные на уровне регионов Северо-Западного федерального округа по итогам 2020 г. [23; 24].

В соответствии с целью и задачами данной статьи нужно особо обратить внимание на работы, где представлены результаты исследований по изучению географии турпотока на уровне регионов отдельных стран. Обычно в этих работах рассматривается динамика и география въездного турпотока. Такого типа исследования были посвящены, например, регионам Ирландии [25], Великобритании [26], Норвегии [27], Эстонии [28] Австрии и Швейцарии [11] и ряда других стран. Однако эти работы опирались на туристскую статистику допандемийного периода и в них не изучалось изменение величины турпотока по регионам стран под влиянием пандемии COVID-19.

Также нужно отметить, что исследование изменения объема турпотока на уровне территориальных единиц стран Балтийского региона впервые было предпринято нами при осуществлении классификации трансграничных туристско-рекреационных регионов по статистике с начала 2019 по июнь 2021 г. [29]. Было замечено, что наибольшее падение турпотока на первом году пандемии пришлось на трансграничные туристско-рекреационные регионы, в формировании которых принимали участие Россия и Швеция. Соответственно, наше исследование должно ответить на вопросы: насколько изменилась величина и структура турпотока на втором году пандемии, вырос ли внутренний турпоток, началось ли восстановление въездного турпотока и если да, то в каких частях Балтийского региона?

Результаты исследования и их обсуждение

Выявление территориальных различий в восстановлении туристского потока в Балтийском регионе было начато нами со сравнения объема въездного турпотока в 2021 и 2020 гг. (рис. 1). Выбор этих двух лет для сравнения был сделан по той причине, что они позволяют оценить степень восстановления въездного турпотока более точно, так как в сравнении с допандемийным 2019 г. во всех регионах наблюдается очень сильное сокращение въездного турпотока (более 50 %), которое в 2021 г. не удалось преодолеть.

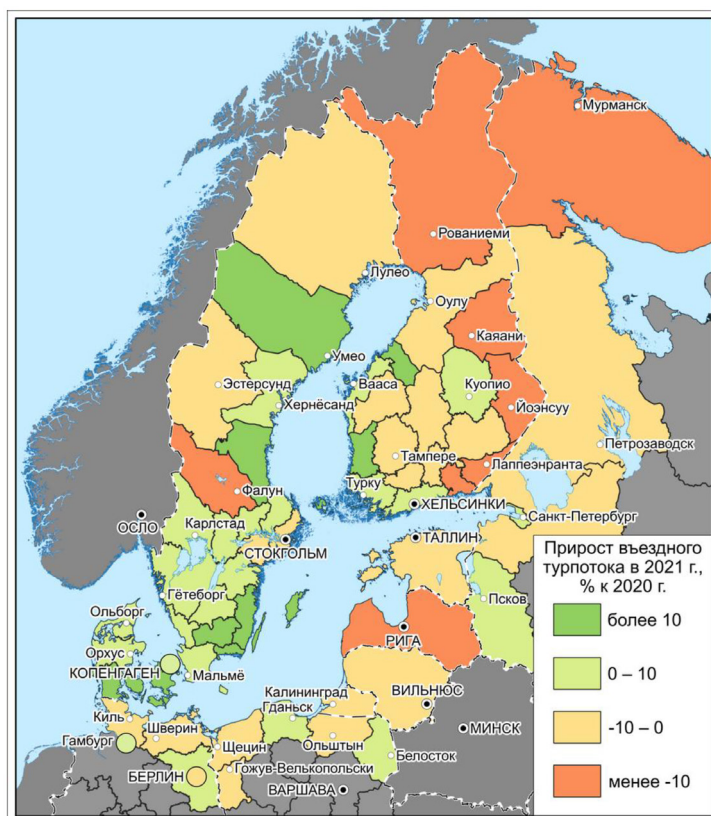

Рис. 1. Прирост въездного турпотока в 2021 г. по отношению к 2020 г., % (составлено И. А. Ивановым)

Наихудшие показатели динамики характерны для двух групп территориальных единиц. В первую входят страны и регионы, которые в допандемийный период были наиболее зависимы от российского турпотока: Латвия и финские регионы Кайнуу, Кюменлааксо, Южная и Северная Карелия. Во вторую группу входят регионы, в которых значительная часть прибытий приходится на зимний период. Во всех этих регионах находятся крупные горнолыжные комплексы. Это финская Лапландия, шведская Даларна и российская Мурманская область. Во-первых, это объясняется тем, что в 2020 г. с января по март въездные турпотоки сохранялись на прежнем уровне (но в марте уже началось сокращение), а в 2021 г. на этот период пришелся зимний локдаун, в связи с которым въездной туризм был практически невозможен. В остальное время года из-за действовавших ограничений не удалось достичь даже уровня трех месяцев начала 2020 г. Во-вторых, сокращение международного авиасообщения (основного способа доставки иностранных туристов в горнолыжные регионы) является дополнительным негативным фактором, влияющим на динамику прибытий.

Наилучшие показатели динамики продемонстрировали регионы Ботнического залива: положительная динамика наблюдается во всех финских регионах, кроме Северной Остроботнии, и во всех шведских, кроме Норрботтена. Однако большинство приботнических регионов имеют достаточно низкий объем въездного турпотока, поэтому прирост в абсолютных значениях был незначительным.

Также положительная динамика наблюдается в регионах Южной Швеции и Дании, в которых большая часть прибытий приходится на Германию. Примечательно, что в Любушском и Западно-Поморском воеводствах Польши, где туристы из Германии также имеют подавляющее большинство в структуре прибытий, такого роста не произошло — скорее всего, эти различия связаны с тем, что летом 2020 г. в Польше действовали менее строгие антикоронавирусные ограничения, чем в Дании и Швеции (согласно рассчитываемому Оксфордским университетом индексу строгости¹²). В 2021 г. различия в строгости ограничений между этими странами были не столь ощутимы, однако в сравнении с 2020 г. менее строгие ограничения в Дании и Швеции привели к заметному росту въездного турпотока (в первую очередь из Германии).

Из российских регионов положительная динамика въездного турпотока наблюдалась только в Псковской области, однако прирост в абсолютных значениях был небольшим (9 тыс. прибытий в 2021 г. против 8 тыс. в 2020 г.).

Во время пандемии COVID-19 большее значение приобрел внутренний туризм. На рисунке 2 отражен прирост внутреннего турпотока в 2021 г. по отношению к 2020 г. Контрасты в динамике внутреннего турпотока более заметны. Сокращение внутреннего турпотока наблюдалось в двух федеральных землях Германии (Бранденбург и Мекленбург-Передняя Померания) и в большинстве регионов Швеции.

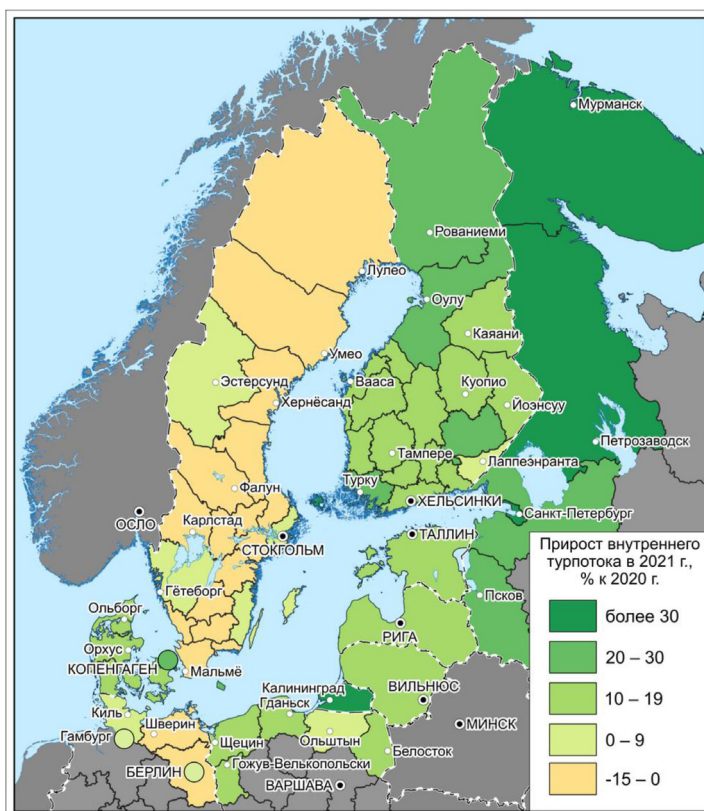

Рис. 2. Прирост внутреннего турпотока в 2021 г. по отношению к 2020 г., % (составлено И. А. Ивановым)

¹² COVID-19 Government Response Tracker, 2022, *Blavatnik school of government*, URL: <https://www.bsg.ox.ac.uk/research/research-projects/covid-19-government-response-tracker> (дата обращения: 20.07.2022).

Наиболее высокие значения прироста характеризовали приграничные регионы Северо-Западного федерального округа России (скорее всего, из-за невозможности для многих россиян выезда в европейские страны). Для Калининградской области, где имеются приморские курорты, дополнительным положительным фактором стала погода летом 2021 г. — на черноморских курортах она была дождливой. Во всех финских регионах в 2021 г. произошел рост внутреннего турпотока более чем на 10 % по сравнению с 2020 г., лишь в Южной Карелии прирост составил менее 10 %. В странах Балтии, Дании и большинстве воеводств Польши прирост также составил более 10 %, исключением является Варминско-Мазурское воеводство.

Почти во всех регионах, испытавших наибольшее падение въездного турпотока в 2021 г., рост внутреннего турпотока был небольшим или даже наблюдалось его падение. Это относится и к финским регионам вдоль границы с Россией, и к Латвии, и к региону Даларна в Швеции. Исключение составила финская Лапландия, где прирост внутреннего турпотока составил 30 %.

На рисунке 3 показан рассчитанный авторами индекс замещения въездного туристского потока внутренним турпотоком в июле — сентябре 2021 г. по сравнению с аналогичным периодом 2019 г.

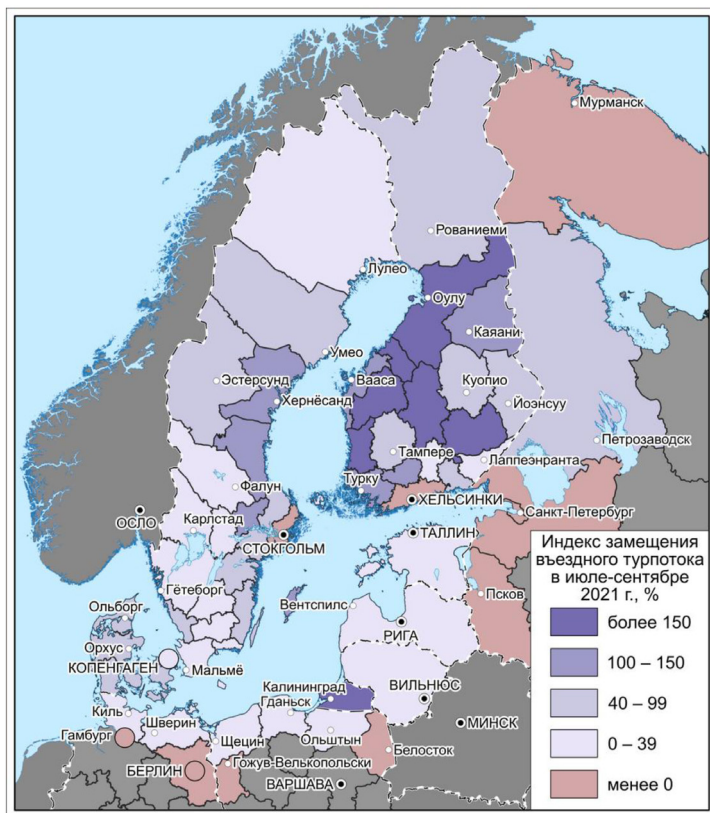

Рис. 3. Индекс замещения въездного турпотока в июле — сентябре 2021 г. по сравнению с аналогичным периодом 2019 г. (составлено И. А. Ивановым)

В случае если показатель превышает 100 %, можно говорить не просто о замещении, а даже о росте суммарного турпотока в июле — сентябре 2021 г. по сравнению с 2019 г. Это произошло в большинстве регионов Финляндии (кроме некоторых

пограничных с Россией) и в ряде прибрежных регионов Швеции, а также в Калининградской области России. В странах Балтии и в целом в регионах на южном побережье Балтийского моря степень замещения была достаточно низкой. Особо нужно отметить регионы, где не произошло даже частичного замещения въездного турпотока внутренним. В первую очередь это столичные регионы стран Балтийского региона, а также Санкт-Петербург, земли Гамбург и Бранденбург в Германии, в допандемийный период принимавшие на себя основной поток иностранных туристов. В эту же группу регионов входят Мурманская, Ленинградская и Псковская области России, а также два польских воеводства, где рост внутреннего турпотока в 2021 г. так и не смог компенсировать падение первого года пандемии.

В 2021 г. произошли заметные изменения в структуре въездного турпотока. На рисунке 4 показано изменение доли прибытий из восьми стран Балтийского региона в 2021 г. по отношению к 2019 г. Внутренний турпоток своей страны исключен, Россия также не учтена из-за закрытых Евросоюзом границ. В отличие от предыдущих двух обзоров динамики турпотока в данном случае базисным выбран 2019 г., поскольку следующий год в плане структуры нерепрезентативен: в январе — марте 2020 г. сохранялась прежняя структура прибытий, а летом 2020 г. она в большинстве регионов резко изменилась. В 2021 г. наблюдалась уже более стабильная структура прибытий туристов.

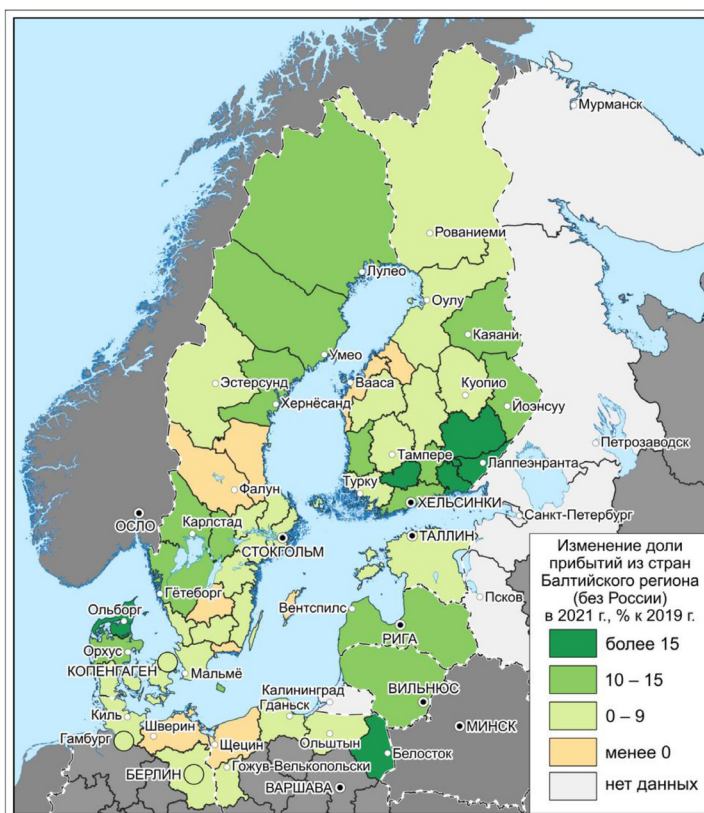

Рис. 4. Изменение доли прибытий из стран Балтийского региона (без России) в 2021 г. по отношению к 2019 г. (составлено И. А. Ивановым)

В большинстве рассмотренных территориальных единиц в структуре въездного турпотока произошел рост доли прибытий из стран Балтийского региона, что вме-

сте с тем отражает сократившуюся среднюю дальность поездок туристов. Нужно отметить, что при обвальном сокращении объема въездного турпотока увеличение данного показателя происходило не за счет роста турпотока, а за счет меньшего его сокращения.

Наибольший рост показателя произошел в некоторых регионах юга Финляндии (Кянта-Хяме, Кюменлааксо, Южная Карелия и Южное Саво) и Подляшском воеводстве Польши, чуть меньший — в Латвии и Литве (вследствие резкого сокращения числа туристов из России и Республики Беларусь). Также рост доли прибытий из стран Балтийского региона произошел в граничащих с Норвегией ленах Швеции (за счет сокращения числа прибытий из Норвегии). В некоторых регионах наблюдается снижение удельного веса прибытий из стран Балтийского региона, что является следствием значительного сокращения доли страны-лидера в регионе. Для юга Швеции и запада Польши такой страной-лидером является Германия, а для Мекленбурга-Передней Померании — Швеция (фактическим лидером по числу прибытий в этой федеральной земле Германии стали расположенные за пределами Балтийского региона Нидерланды).

Выводы

В ходе исследования были выявлены региональные особенности изменения объема въездного турпотока в 2021 г. по сравнению с 2020 г. Территориальные единицы Балтийского региона с наибольшим падением объема турпотока были разделены на две группы. В первую входят страны и регионы, которые в допандемийный период были наиболее зависимы от турпотока из России. Во вторую — регионы, в которых значительная часть прибытий приходится на зимний период, а зимой 2021 г. был объявлен локдаун, в связи с которым въездной туризм стал практически невозможен.

Наибольший прирост въездного турпотока в 2021 г. по сравнению с 2020 г. наблюдался в регионах Ботнического залива, что объясняется изначально небольшим объемом въездного турпотока в них. Кроме того, положительную динамику продемонстрировали регионы Южной Швеции и Дании, в которых большая часть прибытий приходится на Германию.

Во время пандемии COVID-19 в большинстве стран Балтийского региона наблюдался рост внутреннего туризма. Наиболее значительное увеличение внутреннего турпотока в 2021 г. по сравнению с 2020 г. произошло в приграничных регионах России, а также заметный рост — в Финляндии и странах Балтии. Сокращение внутреннего турпотока наблюдалось в большинстве регионов Швеции и двух федеральных землях Германии (Бранденбург и Мекленбург-Передняя Померания).

Рост внутреннего турпотока в большинстве регионов смог частично или даже полностью компенсировать падение въездного турпотока. Исключение составили столичные регионы, а также еще несколько регионов России, Польши и Германии, где внутренний турпоток в 2021 г. так и не смог преодолеть уровень 2019 г. Это показал рассчитанный нами индекс замещения въездного турпотока внутренним в июле — сентябре 2021 г. по сравнению с аналогичным периодом 2019 г.

В 2021 г. произошли заметные изменения в структуре въездного туристского потока. В структуре турпотока обозначился рост удельного веса прибытий туристов из стран Балтийского региона. Наибольшее увеличение данного показателя произошло в некоторых регионах юга Финляндии, чуть меньшее — в Латвии и Литве (по причине резкого сокращения числа туристов из России и Республики Беларусь). Лишь в нескольких регионах (на юге Швеции, западе Польши, севере Германии) наблюдалось уменьшение этого показателя, что связано с сокращением в структуре въездного турпотока доли стран-соседей, традиционно являвшихся главными поставщиками туристов.

Список литературы

1. Федоров, Г. М., Зверев, Ю. М., Корнеевец, В. С. 2008, *Россия на Балтике: 1990—2007 годы*, Калининград, Изд-во РГУ им. И. Канта, 224 с.
2. Акбулаев, Н. Н., Мамедов, И. М., Алиев, В. З. 2020, Влияние COVID-19 на индустрию туризма (Испания, Италия и Турция), *Научные труды Вольного экономического общества России*, т. 223, № 3, с. 380—390.
3. Буторов, С. А. 2020, Пандемия COVID-19 и ее влияние на мировую туристическую индустрию, *Вестник Московского государственного университета культуры и искусств*, № 2 (94), с. 116—125, <https://doi.org/10.24412/1997-0803-2020-10212>.
4. Донских, И. С. 2021, Фактор влияния пандемии COVID-19 на мировой туризм, *Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Экономика и право*, № 11, с. 23—28, <https://doi.org/10.37882/2223-2974.2021.11.10>.
5. Симонян, Г. А., Сарян, А. А. 2020, О влиянии пандемии коронавируса на туризм, *Современная научная мысль*, № 2, с. 158—164.
6. Теличева, Е. Г., Чернов, В. А. 2020, Устойчивое развитие туризма: контент-обзор конъюнктуры туристского рынка в период пандемии, *Научно-техническое и экономическое сотрудничество стран АТР в XXI веке*, т. 2, с. 136—140.
7. Sigala, M. 2020, Tourism and COVID-19: Impacts and implications for advancing and re-setting industry and research, *Journal of Business Research*, vol. 117, p. 312—321, <https://doi.org/10.1016/j.jbusres.2020.06.015>.
8. Volkmann, C., Tokarski, K. O., Dincă, V.M, Bogdan, A. 2021, The Impact of COVID-19 on Romanian Tourism. An Explorative Case Study on Prahova County, Romania, *Amfiteatru Economic*, vol. 23, № 56, p. 196—205, <https://doi.org/10.24818/EA/2021/56/196>.
9. Кротенко, И. 2021, Проблемы туризма в условиях коронавируса, *Vector European: Revista Științifico-Practică*, № 1, с. 110—115, <https://doi.org/10.52507/2345-1106.2021-1.22>.
10. Ivanov, I. A., Golomidova, E. S., Terenina, N. K. 2021, Influence of the COVID-19 Pandemic on the Change in Volume and Spatial Structure of the Tourist Flow in Finland and Estonia in 2020, *Regional Research of Russia*, vol. 11, № 3, p. 361—366, <https://doi.org/10.1134/S2079970521030059>.
11. Манаков, А. Г. (ред.). 2022, *Виды туризма и география турпотоков в зеркале пандемии COVID-19*, Псков, Псковский государственный университет, 214 с.
12. Liu, A., Vici, L., Ramos, V., Giannoni, S., Blake, A. 2021, Visitor arrivals forecasts amid COVID-19: A perspective from the Europe team, *Annals of Tourism Research*, № 88, 103182, <https://doi.org/10.1016/j.annals.2021.103182>.
13. Korinth, B., Wendt, J. A. 2021, The impact of COVID-19 pandemic on foreign tourism in European countries, *Prace Komisji Geografii Przemysłu Polskiego Towarzystwa Geograficznego*, vol. 35, № 3, p. 186—204, <https://doi.org/10.24917/20801653.353.11>.
14. Полухина, А. Н. 2022, Анализ современного состояния внутреннего туризма в регионах России в период пандемии (по итогам исследования 2022 г.), *Инновационное развитие экономики*, № 1—2 (67—68), с. 175—181, <https://doi.org/10.51832/2223798420221-2175>.
15. Panzer-Krause, S. 2022, Rural Tourism in and after the COVID-19 Era: “Revenge Travel” or Chance for a Degrowth-Oriented Restart? Cases from Ireland and Germany, *Tourism and Hospitality*, vol. 3, № 2, p. 399—415, <https://doi.org/10.3390/tourhosp3020026>.
16. Reitano, A., Fazio, M., Schirripa Spagnolo, F., Karanasios, N. 2021, COVID-19 Impact on the Tourism Industry: Short Holidays within National Borders, *Symphony Emerging Issues in Management*, № 2, p. 85—98, <https://doi.org/10.4468/2021.2.08reitano.fazio.schirripa.karanasios>.
17. Altuntas, F., Gok, M. S. 2021, The effect of COVID-19 pandemic on domestic tourism: A DEMATEL method analysis on quarantine decisions, *International Journal of Hospitality Management*, vol. 92, 102719, <https://doi.org/10.1016%2Fj.ijhm.2020.102719>.
18. Binbaşıoğlu, H. 2022, A shift in attitudes and priorities of Turkish domestic tourists as a result of the COVID-19 pandemic, *Studia Periegetica*, vol. 31, № 1, p. 87—106, <https://doi.org/10.5604/01.3001.0015.8580>.
19. Gurung, K. 2021, The outbreak of COVID-19 and its impact in South Korea’s Tourism: A hope in Domestic Tourism, *Journal of Applied Sciences in Travel and Hospitality*, vol. 4, № 1, p. 1—8, <https://doi.org/10.31940/jasth.v4i1.2332>.
20. Hussain, A., Fusté-Forné, F. 2021, Post-Pandemic Recovery: A Case of Domestic Tourism in Akaroa (South Island, New Zealand), *World*, vol. 2, № 1, p. 127—138, <https://doi.org/10.3390/world2010009>.

21. Kupi, M., Szemerédi, E. 2021, Impact of the COVID-19 on the Destination Choices of Hungarian Tourists: A Comparative Analysis, *Sustainability*, vol. 13, №24, p. 13785, <https://doi.org/10.3390/su132413785>.
22. Sung, Y.-A., Kim, K.-W., Kwon, H.-J. 2021, Big Data Analysis of Korean Travelers' Behavior in the Post-COVID-19 Era, *Sustainability*, vol. 13, №1, p. 310, <https://doi.org/10.3390/su13010310>.
23. Дементьев, В. С., Баженова, Т. С. 2022, Динамика туристского потока в регионах Северо-Западного федерального округа в условиях COVID-19, *Вестник Псковского государственного университета. Серия: Естественные и физико-математические науки*, т. 15, №1, с. 3—11.
24. Кондратьева, С. В. 2022, Развитие туризма в регионах Европейского Севера, *Арктика и Север*, №47, с. 164—187, <https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2022.47.164>.
25. Иванова, Л. А., Крыстев, В. К. 2022, Динамика и география въездного туристского потока в Ирландию, *Псковский регионологический журнал*, т. 18, №2, с. 108—125, <https://doi.org/10.37490/S221979310020086-7>.
26. Иванова, Л. А. 2021, Динамика и география международного туристского обмена Великобритании в первые два десятилетия XXI в., *Псковский регионологический журнал*, №1 (45), с. 92—109, <https://doi.org/10.37490/S221979310013368-7>.
27. Иванов, И. А., Михайлов, Б. С. 2020, Структура и география распределения въездного туристского потока в Норвегии, *Псковский регионологический журнал*, №4 (44), с. 107—118, <https://doi.org/10.37490/S221979310011436-2>.
28. Чученкова, О. А. 2019, География потоков международного въездного туризма в Эстонию в 2004—2018 гг., *Вестник Псковского государственного университета. Серия: Естественные и физико-математические науки*, №14, с. 55—66.
29. Manakov, A. G., Krasilnikova, I. N., Ivanov, I. A. 2022, Towards a classification of transboundary tourist and recreation mesoregions in the Baltic region, *Balt. Reg.*, vol. 14, №1, p. 75—89, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2022-1-5>.

Об авторах

Андрей Геннадьевич Манаков, доктор географических наук, профессор кафедры географии, Псковский государственный университет, Россия.

E-mail: region-psk@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0002-3223-2688>

Вилиян Крыстев Крыстев, кандидат географических наук, доцент кафедры «Экономика и организация туризма», Экономический университет Варны, Болгария.

E-mail: vilianbg@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0001-5456-247X>

Ирина Николаевна Красильникова, кандидат педагогических наук, доцент кафедры географии, Псковский государственный университет, Россия.

E-mail: mulia777@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-0351-0327>

Иван Андреевич Иванов, аспирант кафедры географии, Псковский государственный университет, Россия.

E-mail: ii60@bk.ru

<https://orcid.org/0000-0003-4453-2052>

CHANGES IN THE STRUCTURE AND GEOGRAPHY OF TOURIST FLOWS DURING THE COVID-19 PANDEMIC

A. G. Manakov¹

V. K. Krastev²

I. N. Krasilnikova¹

I. A. Ivanov¹

¹Pskov State University
2 Lenina pl., Pskov, 180000, Russia
²University of Economics – Varna
77 Bul. Knyaz Boris I, Varna, 9002, Bulgaria

Received 16 August 2022
Accepted 05 December 2022
doi: 10.5922/2079-8555-2023-1-8
© Manakov, A. G., Krastev, V. K., Krasilnikova, I. N., Ivanov, I. A., 2023

Tourism suffered more than many other sectors amid COVID-19 travel restrictions. This article looks at the impact of the pandemic on the territorial redistribution of tourist flows in the Baltic region. The study draws on regional annual and monthly data on international and domestic tourist arrivals between 2019 and 2021, available on the websites of the statistical offices of the Baltic Region countries. The regions earlier dependent on tourist arrivals from Russia experienced the largest drop in inbound tourism during the COVID-19 pandemic. Yet, domestic tourism burgeoned in most of the region's countries. In 2021, the most dramatic increase in domestic arrivals occurred, year on year, in the border regions of Russia's Northwest Federal District; the growth was also notable in Finland and the Baltic States. Domestic tourist flow compensated, partially or even fully, for the decrease in inbound tourist traffic in most regions. The structure of inbound tourism changed markedly during the pandemic, with the share of tourists from the Baltic States growing. The strongest rise was in some regions of southern Finland and more modest in Latvia and Lithuania.

Keywords:

COVID-19, domestic tourism, tourist traffic, tourist traffic structure, inbound tourist flow substitution

References

1. Fedorov, G. M., Zverev, Yu. M., Korneevets, V. S. 2008, *Rossiia na Baltike: 1990–2007 gody`* [Russia in the Baltic: 1990–2007]. Kaliningrad, 224 p. (in Russ.).
2. Akbulaev, N. N., Mammadov, I. M., Alyev, V. Z. 2020, The effect of the COVID-19 pandemic on tourism (Spain, Italy and Turkey), *Nauchny`e trudy` Vol`nogo e`konomicheskogo obshhestva Rossii* [Scientific Works of the Free Economic Society of Russia], vol. 223, № 3, p. 380–390 (in Russ.).
3. Butorov, S. A. 2020, COVID-19 pandemic and its impact on the global tourism industry, *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul`tury` i iskusstv* [Bulletin of the Moscow State University of Culture and Arts], № 2 (94), p. 116–125 (in Russ.).
4. Danskikh, I. S. 2021, Factor of the influence of the COVID-19 pandemic on world tourism, *Modern science: actual problems of theory and practice*, № 11, p. 23–28, doi: 10.37882/2223-2974.2021.11.10 (in Russ.).
5. Simonyan, G. A., Saryan, A. A. 2020, On the Impact of the Coronavirus Pandemic on Tourism, *Modern scientific thought*, № 2, p. 158–164 (in Russ.).

To cite this article: Manakov, A. G., Krastev, V. K., Krasilnikova, I. N., Ivanov, I. A. 2023, Changes in the structure and geography of tourist flows during the COVID-19 pandemic, *Balt. Reg.*, Vol. 15, № 1, p. 139–152.
doi: 10.5922/2079-8555-2023-1-8.

6. Telicheva, E. G., Chernov, V. A. 2020, Sustainable development of tourism: content review of the tourism market during the pandemic period, *Scientific, technical and economic cooperation between Asia-Pacific countries in the XXI century*, vol. 2, p. 136—140 (in Russ.).
7. Sigala, M. 2020, Tourism and COVID-19: Impacts and implications for advancing and re-setting industry and research, *Journal of Business Research*, vol. 117, p. 312—321, <https://doi.org/10.1016/j.jbusres.2020.06.015>.
8. Volkmann, C., Tokarski, K. O., Dincă, V. M., Bogdan, A. 2021, The Impact of COVID-19 on Romanian Tourism. An Explorative Case Study on Prahova County, Romania, *Amfiteatru Economic*, vol. 23, № 56, p. 196—205, <https://doi.org/10.24818/EA/2021/56/196>.
9. Krotenko, I. 2021, Problems of tourism in the conditions of coronavirus, *Vector European: Revistă Științifico-Practică*, № 1, p. 110—115, <https://doi.org/10.52507/2345-1106.2021-1.22> (in Russ.).
10. Ivanov, I. A., Golomidova, E. S., Terenina, N. K. 2021, Influence of the COVID-19 Pandemic on the Change in Volume and Spatial Structure of the Tourist Flow in Finland and Estonia in 2020, *Regional Research of Russia*, vol. 11, № 3, p. 361—366, <https://doi.org/10.1134/S2079970521030059>.
11. Manakov, A. G. (ed.). 2022, *Vidy` turizma i geografija turpotokov v zerkale pandemii COVID-19* [Types of tourism and geography of tourist flows in the mirror of the COVID-19 pandemic], Pskov, Pskov State University, 214 p. (in Russ.).
12. Liu, A., Vici, L., Ramos, V., Giannoni, S., Blake, A. 2021, Visitor arrivals forecasts amid COVID-19: A perspective from the Europe team, *Annals of Tourism Research*, № 88, 103182, <https://doi.org/10.1016/j.annals.2021.103182>.
13. Korinth, B., Wendt, J. A. 2021, The impact of COVID-19 pandemic on foreign tourism in European countries, *Prace Komisji Geografii Przemysłu Polskiego Towarzystwa Geograficznego*, vol. 35, № 3, p. 186—204, <https://doi.org/10.24917/20801653.353.11>.
14. Polukhina, A. N. 2022, Analysis of the current state of domestic tourism in the regions of Russia during the pandemic period (based on the results of the 2022 research), *Innovative development of economy*, № 1—2 (67—68), p. 175—181, <https://doi.org/10.51832/2223798420221-2175>.
15. Panzer-Krause, S. 2022, Rural Tourism in and after the COVID-19 Era: “Revenge Travel” or Chance for a Degrowth-Oriented Restart? Cases from Ireland and Germany, *Tourism and Hospitality*, vol. 3, № 2, p. 399—415, <https://doi.org/10.3390/tourhosp3020026>.
16. Reitano, A., Fazio, M., Schirripa Spagnolo, F., Karanasios, N. 2021, COVID-19 Impact on the Tourism Industry: Short Holidays within National Borders, *Symphonia Emerging Issues in Management*, № 2, p. 85—98, <https://doi.org/10.4468/2021.2.08reitano.fazio.schirripa.karanasios>.
17. Altuntas, F., Gok, M. S. 2021, The effect of COVID-19 pandemic on domestic tourism: A DEMATEL method analysis on quarantine decisions, *International Journal of Hospitality Management*, vol. 92, 102719, <https://doi.org/10.1016/j.ijhm.2020.102719>.
18. Binbaşıoğlu, H. 2022, A shift in attitudes and priorities of Turkish domestic tourists as a result of the COVID-19 pandemic, *Studia Periegetica*, vol. 31, № 1, p. 87—106, <https://doi.org/10.5604/01.3001.0015.8580>.
19. Gurung, K. 2021, The outbreak of COVID-19 and its impact in South Korea’s Tourism: A hope in Domestic Tourism, *Journal of Applied Sciences in Travel and Hospitality*, vol. 4, № 1, p. 1—8, <https://doi.org/10.31940/jasth.v4i1.2332>.
20. Hussain, A., Fusté-Forné, F. 2021, Post-Pandemic Recovery: A Case of Domestic Tourism in Akaroa (South Island, New Zealand), *World*, vol. 2, № 1, p. 127—138, <https://doi.org/10.3390/world2010009>.
21. Kupi, M., Szemerédi, E. 2021, Impact of the COVID-19 on the Destination Choices of Hungarian Tourists: A Comparative Analysis, *Sustainability*, vol. 13, № 24, p. 13785, <https://doi.org/10.3390/su132413785>.
22. Sung, Y.-A., Kim, K.-W., Kwon, H.-J. 2021, Big Data Analysis of Korean Travelers’ Behavior in the Post-COVID-19 Era, *Sustainability*, vol. 13, № 1, p. 310, <https://doi.org/10.3390/su13010310>.
23. Dementiev, V. S., Bazhenova, T. S. 2022, The dynamics of the tourist flow in the regions of the North-Western Federal District in the context of COVID-19, *Vestnik Pskovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Estestvenny`e i fiziko-matematicheskie nauki* [Bulletin of the Pskov State University. Series: Natural and physical and mathematical sciences], vol. 15, № 1, p. 3—11 (in Russ.).

24. Kondratyeva, S. V. 2022, Tourism Development in the Regions of the European North. *Arktika i Sever [Arctic and North]*, № 47, p. 164—187, <https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2022.47.164> (in Russ.).

25. Ivanova, L. A., Krastev, V. K. 2022, Dynamics and geography of the inbound tourist flow to Ireland, *Pskov Journal of Regional Studies*, vol. 18, № 2, p. 108—125, <https://doi.org/10.37490/S221979310020086-7> (in Russ.).

26. Ivanova, L. A. 2021, Dynamics and geography of the international tourist exchange of the UK in the first two decades of the 21st century, *Pskov Journal of Regional Studies*, № 1 (45), p. 92—109, <https://doi.org/10.37490/S221979310013368-7> (in Russ.).

27. Ivanov, I. A., Mikhailov, B. S. 2020, Structure and geography of the distribution of the inbound tourist flow in Norway, *Pskov Journal of Regional Studies*, № 4 (44), p. 107—118, <https://doi.org/10.37490/S221979310011436-2> (in Russ.).

28. Chuchenkova, O. A. 2019, Geography of international inbound tourism flows in Estonia in 2004—2018, *Vestnik Pskovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Estestvenny`e i fiziko-matematicheskie nauki [Bulletin of the Pskov State University. Series: Natural and physical and mathematical sciences]*, № 14, p. 55—66 (in Russ.).

29. Manakov, A. G., Krasilnikova, I. N., Ivanov, I. A. 2022, Towards a classification of trans-boundary tourist and recreation mesoregions in the Baltic region, *Balt. Reg.*, vol. 14, № 1, p. 75—89, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2022-1-5>.

The authors

Prof Andrei G. Manakov, Pskov State University, Russia.

E-mail: region-psk@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0002-3223-2688>

Dr Viliyan K. Krastev, University of Economics — Varna, Bulgaria.

E-mail: vilianbg@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0001-5456-247X>

Dr Irina N. Krasilnikova, Pskov State University, Russia.

E-mail: mulia777@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-0351-0327>

Ivan A. Ivanov, PhD student, Pskov State University, Russia.

E-mail: ii60@bk.ru

<https://orcid.org/0000-0003-4453-2052>

